

СТИХОТВОРЕНИЕ В. М. ГАРШИНА НА СМЕРТЬ НЕКРАСОВА

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ В. М. ГАРШИНА

Сообщение Е. Базилевской

О существовании публикуемого нами стихотворения совершенно не подозревали исследователи жизни и творчества Гаршина. Слабое по форме, оно было сохранено писателем, очевидно, только как память о волновавших его когда-то мыслях и чувствах. Он никогда не упоминал о нем, не упомянул даже в письме своем к матери от 1 января 1878 г., в котором делился с ней непосредственными своими впечатлениями от некрасовских похорон¹. Скрытое в бумагах авторского архива стихотворение пролежало безвестным более 60 лет.

Оставшееся до конца не отделанным, лишенное художественных достоинств, стихотворение представляет, однако, известный интерес, поскольку характеризует отношение В. М. Гаршина к личности и творчеству Некрасова. Сведения, которыми мы располагали на этот счет до сих пор, были или отрывочны и случайны, или недостаточно достоверны. Прочно вошедшая в историко-литературный обиход плехановская версия о весьма невысокой оценке В. М. Гаршиным поэтического таланта Некрасова служит лучшим тому доказательством.

В известной статье своей «Н. А. Некрасов. К 25-летию его смерти» Плеханов вспоминает, как однажды Гаршин (он был однокурсником Плеханова по Горному институту), «очень невысоко ставивший поэтический талант Некрасова и резко осуждавший тогда (в годы студенчества) «тенденциозность» его поэзии, с насмешкой продекламировал:

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок...

«И я,— добавляет Плеханов,— несмотря на все свое пристрастие к поэту «мести и печали», вынужден был согласиться, что «возок» плохо рифмуется с «легок»².

По существу воспоминание это не отвечало действительности. Отрицательные отзывы Гаршина о неудачных стихах и прозаизмах Некрасова отнюдь не являлись еще выражением его общего отношения к поэтическому таланту и творчеству Некрасова в целом. Они не имели, в сущности, даже того значения, какое имели высказывания самого Плеханова о «недостаточно сильном», «недостаточно пластичном», нередко «топорном» таланте Некрасова³. Плеханов без достаточных к тому оснований обобщил отрицательный отзыв Гаршина и сделал из него неправильный вывод.

Первое сомнение в правильности плехановской характеристики отношения Гаршина к Некрасову должны были вызвать выпущенные в 1934 г. издательством «Academia» гаршинские письма. Встречающиеся в них упоминания и высказывания о Некрасове в совокупности своей уже вносили существенные коррективы в плехановскую версию. И если они не могли еще опровергнуть ее окончательно, то, главным образом, потому, что наиболее важное из этих высказываний, содержащееся в письме к матери о некрасовских похоронах,— могло быть правильно понято и истолковано только в свете публикуемого стихотворения.

Оно было написано Гаршиным, несомненно, в самый день некрасовских похорон. Эта дата устанавливается уже самим заглавием стихотворения: «1877 года, 30 декабря».

Гаршин непосредственно принимал участие в похоронах Некрасова. Он следовал в траурной процессии за гробом поэта, присутствовал при его погребении на кладбище, слушал знаменитые речи над открытой могилой Некрасова, произнесенные Достоевским, Плехановым и другими. Вероятно, сразу же по возвращении с похорон, под воздействием полученных впечатлений, Гаршин и занес в свою записную книжку (ту самую, которая потом сопровождала его в походе в Болгария) сложившиеся у него стихотворные строки ⁴.

Приводим текст стихотворения в его окончательной редакции, опуская характерные для черновой записи особенности написания и пунктуации:

1877 ГОДА, 30 ДЕКАБРЯ

Прощай, прощай, прощай, не будет песен больше,
 Певец умолк навек.
 Быть может, он и мог бы петь их дольше,
 Но он был человек,
 И умер... Умерла в нем раньше правда жизни.
 Не думает ли кто,
 Что дерзостью бесцельной укоризны
 Хотел я имя то,
 Что возбуждало в нас святейшие порывы,
 Позорить иль пятнать?
 Но были ли они всегда в самом нём живы,—
 Кто смеет то сказать?
 Его могучий дар, его, быть может, гений
 Царил над ним самим,
 Над суетой его житейских увлечений,—
 Он умер вместе с ним.
 Плачь, русская земля, не человека — силы
 Лишилась ты навек,
 Плачь, потому что гений шёл в могилу,
 Хоть умер — ч е л о в е к.

В. Г. <аршин> ⁵

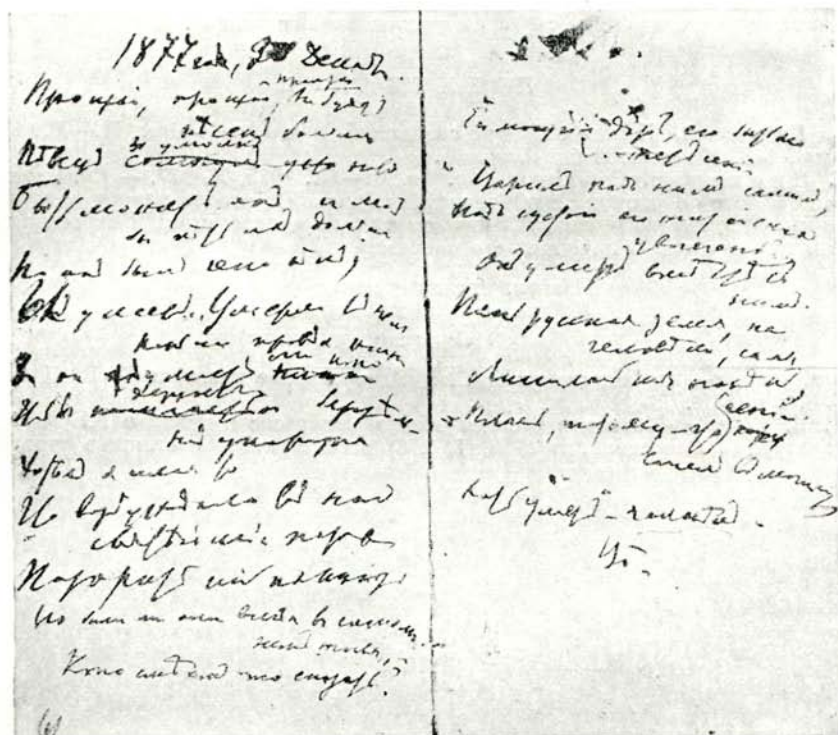
Эти строки, говорящие о Некрасове как о «гении», как о «силе», утрата которой должна быть оплакана всей «русской землей», как о поэте, возбуждавшем «святейшие порывы», — очевидно опровергают утверждение Плеханова, что Гаршин «очень невысоко» ставил поэтический талант Некрасова и резко осуждал «тенденциозность» его поэзии.

Нет никаких оснований предполагать, что за три — три с половиною года, прошедшие с момента институтских бесед с Плехановым, взгляды Гаршина на талант Некрасова, на значение его творчества существенным образом изменились. Стихотворение 1877 г. отнюдь не стоит особняком в ряду прочих упоминаний и высказываний Гаршина о Некрасове. Напротив, все предшествующие высказывания и упоминания легко и непосредственно увязываются со стихотворением, все последующие кажутся непосредственно из него вытекающими.

Личного знакомства с Некрасовым у Гаршина не было. В качестве автора «Четырех дней» Гаршин прибыл в Петербург только 9—10 декабря 1877 г., то-есть всего за 2½ недели до кончины поэта. Но литературное знакомство началось давно. Стихотворения Некрасова впервые были прочитаны Гаршиным еще в раннем детстве, в те «три года жизни с отцом, в период от пяти до восьмилетнего возраста», когда он, по собственному признанию, «перечитал всё, что мог едва понимать, из «Современника», «Времени» и других журналов за несколько лет» (см. «Автобиографию» В. М. Гаршина). Обстановка, создававшаяся в годы пребывания в гимназии, и ближайшее окружение этих лет (установившееся в это время постоянное общение и близкие личные отношения с представителями радикально-демократических кругов, в первую очередь с руководившей, видимо, его чтением А. Г. Маркеловой ⁶) способствовали дальнейшему, более основатель-

ному ознакомлению с произведениями некрасовской музыки. Гаршин — гимназист старших классов — уже вполне сознательно интересовался некрасовскими стихами. В августе 1872 г. приобретение «Стихотворений» Некрасова было намечено им наряду с приобретением сочинений Лермонтова, Тургенева, Глеба Успенского, Решетникова и Помяловского⁷. Неизменный живой интерес к поэзии Некрасова обнаруживался Гаршиным на протяжении всех 70-х годов.

«Безусловным поклонником всего у Некрасова, — вспоминал в беседе с нами, 9 мая 1932 г., ближайший друг Гаршина Владимир Михайлович Латкин, — Всеволод Михайлович не был. Например, стихотворение «Кому на Руси жить хорошо» ему⁸ положительно не нравилось, но многие вещи Некрасова он очень любил. Одним из наиболее

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ В. М. ГАРШИНА НА СМЕРТЬ НЕКРАСОВА

Страница из записной книжки писателя, с датой-заглавием «1877 год, 30 декабря» (день похорон Некрасова)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

любимых им было стихотворение «Что новый год, то новых дум, желаний и надежд...». Всеволод Михайлович знал его все наизусть и часто с увлечением декламировал. Весьма нравилось ему стихотворение «Генерал Топтыгин». К числу очень нравившихся принадлежали также стихотворения «Саша» и «Еду ли ночью по улице темной».

Список этих «нравившихся» стихотворений, перечисленных В. М. Латкиным, можно было бы, разумеется, продолжить. Так, например, в письме Гаршина к матери от 6 марта 1875 г. содержится отзыв о картине М. Е. Малышева: «Миша преуспевает решительно, и я убежден, что у него сильный талант. Написал он Дарью. Знаете:

А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

— Вот эту самую штуку и изобразил. И как хорошо! Некрасова понял до тонкости...». Этот отзыв прямо указывает на то, что поэтические образы поэмы «Мороз, Красный нос» не оставляли Гаршина равнодушным.

Некоторые некрасовские стихотворения настолько отвечали собственным взглядам и настроениям Гаршина, оказывались настолько ему близкими, что он вспоминал и цитировал их подчас, как выражавшие и передававшие непосредственно его личные переживания, его личные впечатления. Именно в этом плане использовано процитированное им в письме его к матери, от 20 ноября 1881 г., начало часто ему припоминавшегося тогда стихотворения «В столицах шум, гремят витии»⁹.

Нет никакого сомнения в том, что, вопреки свидетельству Плеханова, Гаршин высоко ценил поэзию Некрасова, и ей принадлежало далеко не последнее место в ряду тех идейно-художественных факторов, воздействие которых определило общественно-политическое сознание Гаршина и сказалось на самом характере и направлении его литературной деятельности. Плехановская версия о низкой оценке Гаршиным поэтического таланта и значения Некрасова должна быть оставлена.

П Р И М Е Ч А Н И Я

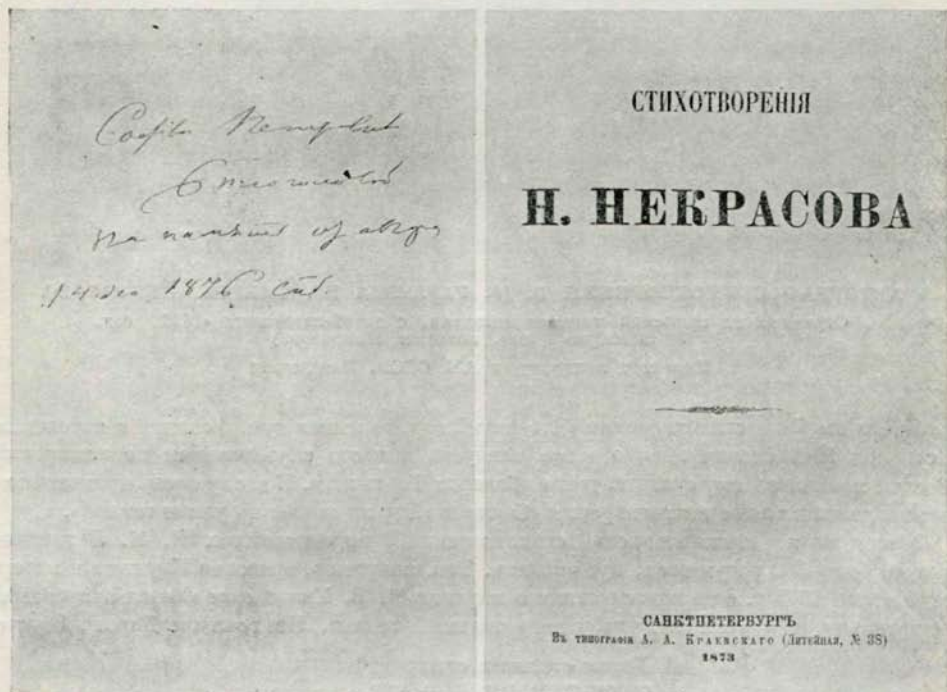
¹ В. Гаршин, Полное собрание сочинений, изд. «Academia», М.—Л., 1934, III (Письма), 148. В дальнейшем: «Письма».

² Г. Плеханов, Сочинения, изд. 2-е, М.—Л., 1925, X, 377. — Ср. в уцелевшем частично конспекте плехановской речи: «Бел^линский»: что за талант у этого человека и что за топор его талант... И надо сказать по правде: стихи Некрасова нередко сделаны топором; слово Гаршина; его например:

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок.
(«Русские женщины»)

«Возок», «легок» — это плохая рифма...» («Литературное наследие Г. В. Плеханова», М. 1938, VI, 232).

³ В. Е. Евгеньев-Максимов в своем обзоре «Некрасов в критике XIX и XX вв.» («Литературный Современник» 1938, I, 278) рассматривает настоящие утверждения

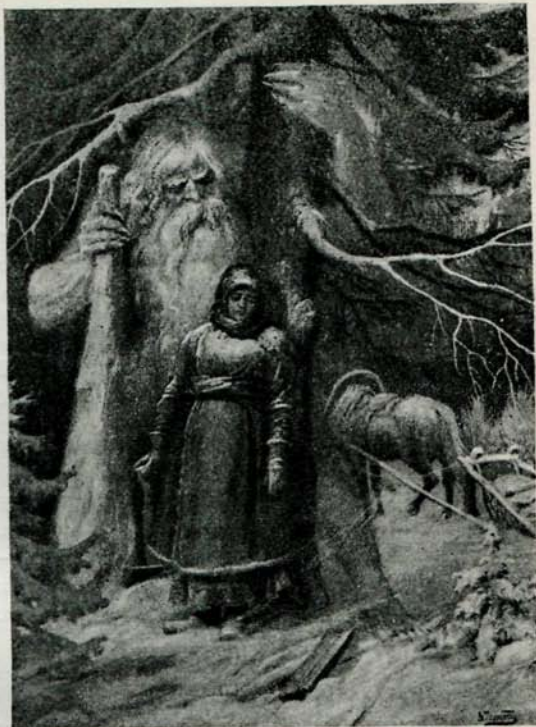

ФОРЗАЦ И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА 1873 г.
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПОЭТА С. П. БЕЛОГОЛОВОЙ

Институт литературы АН СССР, Ленинград

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «МОРОЗ.
КРАСНЫЙ НОС»

Рисунок В. Топоркова, 1900 г.

Институт литературы АН СССР,
Ленинград

Г. В. Плеханова, как «решительно развенчивающие Некрасова как поэта высказывания», как отправную точку, как «лейтмотив» всей его статьи. Для подобной оценки их едва ли имеется достаточно оснований. Основная установка статьи совершенно ясна уже из ее эпиграфа: «Verschiedenen Zeitaltern wird eine verschiedene Begeisterung zu Teil». Поэтического таланта Некрасова Плеханов вовсе не отрицает и, по существу, не «развенчивает». «Сказать, что Некрасов совершенно лишен поэтического дара, значит, — по словам Плеханова, — высказать мысль, ошибочность которой вполне очевидна. Хотя почти каждое стихотворение Некрасова в целом отличается более или менее значительными погрешностями против требований строгого эстетического вкуса, но зато во многих из них можно найти места, ярко отмеченные печатью самого несомненного таланта». Плеханов признает, что есть у него «и вполне безукоризненные вещи, например, хотя бы его знаменитый «Дядя Влас» (Собр. соч., X, 387—388).

⁴ ИЛИ, фонд 70, № 7.

⁵ Одновременно с автографом стихотворения (в том же 1931 г.) нами был обнаружен и хранящийся в ИЛИ, в архиве В. М. Гаршина, позднейший список стихотворения неизвестной руки (ИЛИ, фонд 70, № 159).

⁶ Александра Григорьевна Маркелова (1835—1916) — приятельница матери Гаршина, довольно видная деятельница революционного движения 60-х годов, в молодости член «слепцовской коммуны», переводчица, сотрудница «Дела», «С.-Петербургских Ведомостей» (В. Ф. Корша) и «Молвы» (А. А. Жемчужникова), детская писательница, жена В. А. Коррика. Юный Гаршин бывал у нее постоянно и пользовался книгами из ее библиотеки.

⁷ См. письма его к Е. С. Гаршиной от 31 августа, от 3 и от 19 сентября 1872 г. — «Письма», 434—437.

⁸ «Письма», 36. Упоминаемая Гаршиным картина М. Е. Малышева неизвестна, и нам не удалось напасть на ее след. Михаил Егорович Малышев (1852—1912) — живописец и иллюстратор, один из ближайших друзей Гаршина еще с гимназических лет (с 1865 г.), свидетель всей его жизни и автор коротеньких, но весьма ценных воспоминаний о нем (в сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПб., 1889, 124—129, под заглавием «О Всеволоде Гаршине»), перепечатано в Полн. собр. соч. В. М. Гаршина, изд. А. Ф. Маркса, СПб., 1910, I, 20—24), значительно дополняемых позднейшими устными сообщениями его С. Н. Дурьлину, использованными последним в работе: «Вс. М. Гаршин. Из записок биографа» («Звенья», М.—Л. 1935, V, 571—676).

⁹ «Письма», 227.